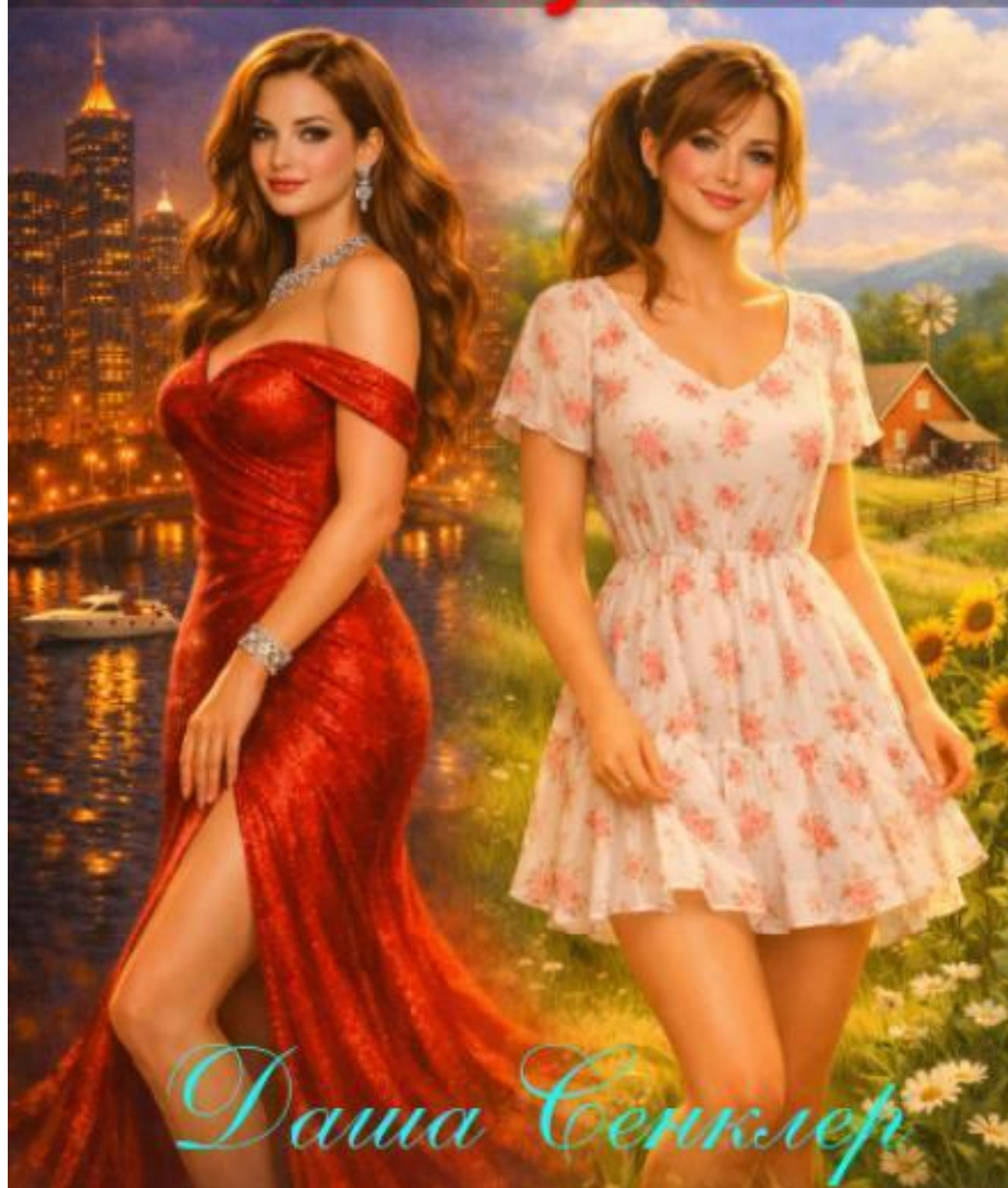

Я (не) та, кто тебе нужен

Даша Сенклер

Даша Сенклер

**Из столицы в село: я
(не) та, кто тебе нужен**

«Литнет»

2026

Сенклер Д.

Из столицы в село: я (не) та, кто тебе нужен / Д. Сенклер —
«Литнет», 2026

Мне пророчили великое будущее. С юности я была красива и талантлива. Чтобы вырваться из деревенской жизни я бросила все и уехала в столицу. Через несколько лет я получила почти все о чем мечтала, но досталось мне это слишком дорогой ценой. В какой-то момент я поняла, что спасти меня может только возвращение к корням, но вместо тихой и спокойной деревенской жизни я встретила слишком много превратностей судьбы на своем пути. У меня могут быть любовь и счастливое будущее, но смогу ли я справиться со всеми трудностями?

© Сенклер Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

Автобус «ПАЗ», пахнувший соляжкой и старой кожей, выплюнул меня на обочину и, кашлянув сизым дымом, скрылся за поворотом. Я осталась стоять в облаке осевшей пыли.

Мои кремовые лодочки от Manolo Blahnik выглядели здесь не просто неуместно — они выглядели как приговор. Тонкая кожа моментально покрылась слоем серого налета, а каблук предательски вильнул на разбитом асфальте. Я замерла, вцепившись в ручку чемодана, который стоил дороже, чем весь этот остановочный павильон, густо расписанный признаниями в любви и нецензурной бранью.

Что я здесь делаю?

Этот вопрос бился в висках в такт пульсу. Зачем я вернулась в место, которое клялась забыть, как страшный сон? Я ведь не вписываюсь в этот пейзаж. Я — яркое пятно на фоне покосившихся заборов и серого шифера. Моя одежда, мои украшения, само моё лицо, отточенное лучшими косметологами столицы — всё это кричало о том, что я чужая.

Я старалась не смотреть вниз. Старалась не думать о той странной, тянущей пустоте где-то глубоко внутри, которая заставила меня бежать из города, не оглядываясь. Врач что-то говорил про реабилитацию и время, но время здесь, кажется, просто остановилось.

Я закрыла глаза и на мгновение увидела себя маленькой. Вот я бегу по этой самой дороге босиком, пятки сбиты в кровь, а впереди — дом. Тот самый дом, где пахнет печеным хлебом и парным молоком. Бабушка и дедушка были моей единственной вселенной. Они заменили мне всех, выхаживали после каждой простуды, копили копейки, чтобы купить мне наряд на выпускной...

А потом я уехала.

Я помню лицо деда, когда я захлопнула дверь такси. Он не плакал, нет. Он просто смотрел мимо меня, словно я уже умерла. Я хотела стать кем-то. Актрисой, моделью, певицей... У меня ведь был голос, меня хвалили учителя, мне пророчили блестящее будущее. Я хотела, чтобы меня обожали миллионы, чтобы я была значимой.

И Москва дала мне это. На короткий миг я поверила, что схватила бога за бороду. А потом... потом пришел мрак. Такой густой и липкий, что его не смыть никаким дорогим мылом. Вместо софитов — холодные взгляды, вместо славы — золотая клетка, ставшая в итоге камерой одиночкой.

Я не хочу об этом вспоминать. Просто не хочу.

Первые два года после отъезда я еще звонила. Слышала в трубке тяжелое дыхание деда и сухие, короткие ответы бабушки. Они не просили денег, не звали назад. Они просто вычеркнули меня из своей жизни за то, что я бросила их ради «блеска», который оказался дешевой мишурой. А потом и я перестала звонить. Легче было притвориться, что у меня нет прошлого, чем признать, что я предала единственных людей, которые любили меня по-настоящему.

Я открыла глаза. Солнце нещадно палило. Нужно идти.

Я поправила очки на переносице и зашагала по разбитой дороге. Каждый шаг давался с трудом — не из-за обуви, а из-за страха. В этой глуши новости распространяются быстрее, чем лесной пожар. Я кожей чувствовала, как за занавесками соседних домов замирает жизнь. Они смотрят. Они узнают.

Впереди показался знакомый забор. Калитка просела, краска облупилась пластами. У колодца стоял дед. Он сильно сдал, сгорбился, руки, когда-то сильные и надежные, теперь казались узловатыми ветвями старого дерева.

Он поднял взгляд. Те же глаза — жесткие, как кремний, пронзающие насквозь. Он долго смотрел на мой чемодан, на мое шелковое платье, на холеные пальцы.

— Приехала? — Голос его был глухим и сухим, как треск валежника. — А мы уж и забыли, как ты выглядишь, Арина. Наверное, адресом ошиблась? Здесь актрисы не живут. Здесь пахать надо.

Я хотела что-то ответить, оправдаться, броситься ему на шею, но в этот момент сзади раздался резкий звук мотора. Белая «Нива» с синими полосами затормозила прямо у моих ног, подняв столб пыли, который окончательно погубил мои туфли.

Стекло медленно опустилось.

— Надо же, какие птицы залетают в наши края, — раздался мужской голос, пропитанный ядовитой усмешкой.

Я медленно повернула голову. Из окна машины на меня смотрел Игорь. Бывший «король» школьных дискотек, а ныне — человек в форме, который, кажется, давно ждал момента, чтобы отыгаться за все свои старые обиды. Точнее, за одну, но зато самую главную.

Игорь вышел из машины небрежно, по-хозяйски. Форменная рубашка капитана полиции плотно облегла широкие плечи, но на животе пуговицы едва заметно натягивались — верный признак того, что атлетичное прошлое потихоньку проигрывало битву сытой деревенской жизни, домашним пирогам и холодному пиву по вечерам.

Он снял фуражку, обнажив коротко стриженные, еще густые волосы, и широко улыбнулся. Улыбка у него была прежняя — та самая, от которой у девчонок в десятом классе подкашивались ноги. Уверенная, чуть покровительственная.

— Арина... Глазам не верю, — он подошел ближе, обдав меня запахом дорогого парфюма, смешанного с легким ароматом табака. — Совсем городская стала. Как с обложки журнала спрыгнула.

В его взгляде не было сочувствия, только жадное, торжествующее восхищение. Так смотрят на дорогой трофей, который долго был не по карману, а теперь вдруг сам упал в руки. Но в моем нынешнем состоянии — разбитой, испуганной и смертельно уставшей — эта его уверенность показалась мне спасательным кругом. Он был частью того, старого мира, где всё было понятно. Где он был первым парнем на деревне, а я — его несбыточной мечтой.

— Здравствуй, Игорь, — я заставила себя улыбнуться в ответ, хотя губы едва слушались. — Вижу, ты при исполнении.

— А как же. Порядок в районе сам себя не поддержит, — он подмигнул мне, и на мгновение я снова почувствовала себя той семнадцатилетней девчонкой на школьной дискотеке. — Что же ты, Ариша, на автобусе-то? Могла бы позвонить, я бы за сто километров встретил на приличной машине, не в этой пыли.

Дед за моей спиной громко и отчетливо сплюнул на землю.

— Разболтались тут... — проворчал он и, не глядя на меня, кивнул на калитку. — Заноси манатки, «модель». Бабка уже тесто поставила. Но учти — дармоедов кормить не будем.

Он развернулся и ушел в глубь двора, тяжело шаркая калошами. Игорь проводил его коротким, холодным взглядом, в котором на секунду мелькнула властная злость, но тут же снова повернулся ко мне, само очарование.

— Ты на него не обижайся, Арин. Старик совсем зачерствел тут один с бабой Надей. Если что — сразу мне звони. Мой номер у всех в районе в «избранном». Поняла?

— Поняла, — кивнула я, чувствуя, как под его взглядом мне становится тошно от собственного вранья. Он ведь видит во мне успех, блеск и столичную жизнь. Он не знает, что под моим платьем — пустота.

— Ну, обживайся. Вечером заскочу, проведаю. По-соседски, — он козырнул мне, запрыгнул в «Ниву» и с пробуксовкой уехал, оставив меня наедине с гнетущей тишиной родного дома.

Я потянула чемодан через порог калитки. Колесики застревают в густой траве и рытвинах. Внутри дома было прохладно и пахло... прошлым. Сухими травами, старым деревом и тем самым специфическим запахом нежилого дома, который пытаются оживить.

Бабушка стояла у печи. Она не обернулась. Её спина, когда-то прямая, теперь была сильно сгорблена, а платок завязан по-стариковски низко на лоб.

— Пришла? — спросила она, и в её голосе не было той сухости, что у деда. Была только бездонная, бесконечная усталость. — Руки мой. Полотенце там же, на гвоздике. Семь лет висит, тебя дожидается.

Я подошла к умывальнику. Старая эмалированная чаша, ледяная вода из колодца. Я смывала столичную пыль, смешанную с деревенской, глядя в маленькое мутное зеркальце над раковиной. Из него на меня смотрела женщина, которую я сама не узнавала. И дело было даже не косметике, которая не жаловала потоков холодной воды.

«Зачем я здесь?» — снова пронеслось в голове. Я хотела тишины. Хотела спрятаться от Виктора Сергеевича, от его охраны, от того белого кафеля операционной, который до сих пор снится мне в кошмарах. Но здесь не было тишины. Здесь была оглушительная правда о том, кем я стала и кого я бросила.

— Бабуль, я... — начала было я, оборачиваясь.

— Садись ешь, — перебила она, наконец повернувшись. В её глазах блеснули слезы, которые она тут же смахнула краем фартука. — Потом разговаривать будем. Если захочешь. Ты ведь теперь важная, небось и слов-то наших простых не помнишь. Всё в телевизорах твоих, в журналах...

Она поставила передо мной тарелку с дымящейся картошкой и соленый огурец, порезанный крупными ломтями. Самая простая еда в мире. Но у меня перехватило горло.

Я вспомнила, как мечтала о сцене. О том, как буду выходить в свет под вспышки камер, как Виктор будет представлять меня своим друзьям: «Моя Арина». И я была «его». До тех пор, пока не стала... неудобной.

Я взяла вилку, и мои пальцы с идеальным французским маникюром мелко задрожали. В этот момент я поняла одно: здесь мне не дадут просто «отлежаться». Здесь придется либо заново родиться, либо окончательно исчезнуть.

Глава 2

Первое утро в деревне началось не с ароматного рафа и уведомлений в Инстаграме, а с истошного крика петуха и тяжелого топота дедовых сапог в сенях.

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Потолок с трещинами, заклеенными старыми обоями, запах пыльной герани и сырости. Моя шелковая пижама от La Perla казалась здесь инородным телом, как и я сама. Спина ныла — старая перина, к которой я когда-то привыкла в детстве, теперь ощущалась как пыточный инструмент.

— Встала? — Дед заглянул в комнату, не стучась. — Солнце уже высоко. В Москве-то, небось, до обеда дрыхла, пока слуги кофе подносили?

Он прищурился, глядя на мои голые плечи и кружево. Я инстинктивно подтянула одеяло. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на жалость, но он тут же прикрыл это привычной суровостью.

— Одевайся. Там Артём приехал, землю смотреть. Бабка завтрак собрала, вынесешь ему в поле. Заодно посмотришь, как люди на кусок хлеба зарабатывают, а не... — он не договорил, махнул рукой и вышел.

«А не торгуют собой», — мысленно закончила я за него. Боль внутри отозвалась привычным тупым уколом.

Мне пришлось долго копаться в чемодане, прежде чем я нашла что-то отдаленно подходящее. Спортивный костюм нежно-розового цвета, предназначенный для ленивых прогулок по Патриаршим, здесь смотрелся нелепо, но выбора не было.

На кухне бабушка молча всунула мне в руки узелок с пирожками и термос.

— Ступай за огород, к дальнему клину. Там он.

Я вышла во двор. Солнце слепило, роса еще не сошла с травы, и мои кроссовки мгновенно намокли. Наш участок был огромным — дед всегда гордился этими гектарами, но сейчас большая часть заросла бурьяном. Только вдаль, у кромки леса, слышался гул мотора.

Я шла, спотыкаясь о кочки, и злилась. На деда, на бабушку, на Виктора, который вышвырнул меня из жизни, как сломанную игрушку, на саму себя.

Артёма я увидела издали. Он стоял у старого трактора, копаясь в двигателе. На нем была простая выцветшая футболка и потертые джинсы. Никакого лоска, никакой формы с иголки, как у Игоря. Обычный деревенский парень. Колхозник.

Когда я подошла ближе, он выпрямился, вытирая руки мазутной ветошью. Обычное лицо. Крепкое, обветренное, с глубокими морщинками у глаз — не от старости, а от того, что он часто щурился на солнце. В нем не было той «лихости», которая была в нос при встрече с Игорем. Артём выглядел... надежным. Слишком правильным и, пожалуй, скучноватым для той жизни, к которой я привыкла.

— Вы, должно быть, Арина? — Спросил он, не улыбаясь, но и без той едкой иронии, которой меня вчера окатил участковый. Голос спокойный, глубокий. — Сергей Кузьмич предупреждал, что внучка приехала.

— Приехала, — буркнула я, протягивая ему узелок. — Бабушка передала.

Он взял еду, кивнул и на мгновение задержал взгляд на моем лице. Я привыкла, что мужчины смотрят на меня либо с вожделением, либо с оценкой — сколько я стою. Артём смотрел иначе. Словно пытался понять, зачем эта напуганная девочка надела маску светской львицы и притащилась в эту пыль.

— Спасибо. Садитесь, если не боитесь испачкать... — он неопределенно обвел рукой мой розовый костюм, — наряд.

— Я постою, — отрезала я.

— Как знаете, — он присел на корточки прямо в траву, развернул пирожок. — Красиво здесь, правда? Тяжелая земля, запущенная, но если вложиться — отдаст сторицей. Я хочу здесь ягодники посадить. Клубнику, малину. Свое хозяйство — это не в офисе сидеть.

Я смотрела на его натруженные руки с темными каемками под ногтями и не понимала его. Зачем молодому, явно неглупому парню эта добровольная каторга?

— В городе проще, — сказала я, глядя куда-то вдаль. — Там не надо ждать милости от погоды.

— В городе ты винтик, — Артём посмотрел на меня снизу вверх. — А здесь — хозяин. Хотя каждому свое. Вы, наверное, скоро назад? В Москву?

Я промолчала. Вспомнила блеск ресторанов, холодные глаза Виктора, когда он подписывал чек на мою «операцию», и то, как его охрана выставила мои сумки за дверь. Назад? Там меня никто не ждал.

— Не знаю, — честно ответила я, и это было первое честное слово за долгое время.

В этот момент на дороге, ведущей к участку, снова показалась знакомая «Нива». Игорь. Он летел, поднимая клубы пыли, словно специально демонстрируя свою значимость.

Артём вздохнул, аккуратно завернул остатки пирожка и поднялся. Его плечи напряглись.

— А вот и законная власть пожаловала, — тихо произнес он. — Кажется, у Игоря на этот участок тоже были свои виды. Или на тех, кто по нему ходит.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Вчерашнее очарование Игоря начало медленно подтачиваться этим коротким замечанием Артёма. Начиналась игра, правил которой я еще не знала.

«Нива» затормозила с визгом, опасно близко к кромке вспаханного поля. Игорь выскочил из машины, не дожидаясь, пока осядет пыль. В солнечных очках, в туго затянутой портупее, он выглядел здесь как шериф из американского боевика, решивший навести порядок в захолустье.

— Артём, всё копаешься? — Игорь даже не посмотрел на него, его взгляд был прикован ко мне. — Арина, ты чего здесь забыла? Тут же пыль, мазут... Не женское это дело — по полям с термосами бегать. Тем более тебе.

Он подошел вплотную, по-хозяйски взял меня за локоть и чуть отодвинул от Артёма. Этот жест — властный, собственнический — резанул меня по нервам. В Москве меня часто так отодвигали, переставляли с места на место, как дорогую вазу, которая должна стоять там, где укажет хозяин.

— Я сама решу, где мне быть, Игорь, — я мягко, но решительно высвободила руку. — Помочь деду — это нормально.

Игорь усмехнулся, в глазах мелькнуло раздражение, которое он тут же скрыл за широкой улыбкой.

— Конечно, конечно. Помощь — это святое. Только присматривайся, кому помогаешь. А то развелось тут «бизнесменов»... Артём, ты документы на аренду дальнего клина обновил? Вчера в сельсовете говорили, что там какие-то нестыковки. Смотри, приду с проверкой — мало не покажется.

Артём не шелохнулся. Он продолжал стоять, вытирая руки ветошью, и смотрел на Игоря снизу вверх, но без тени страха. В его спокойствии было что-то, что бесило участкового гораздо сильнее, чем если бы Артём начал оправдываться.

— Всё в порядке с документами, Игорь. Ты же знаешь, — тихо ответил Артём. — Лучше бы за дорогой следил, а то пылишь так, что скоро дышать нечем будет.

— О законе печешься? Это хорошо, — Игорь прищурился. — Закон здесь — я. Арина, садись в машину, подброшу до дома. Нечего в этом розовом недоразумении по кочкам скакать.

Я посмотрела на розовые штаны, уже испачканные снизу травой и землей. Потом на Артёма. Он молчал, не пытаясь меня удерживать, не вступая в спор. Он просто ждал моего решения.

Игорь был понятным. Понятным в своей силе, в своем желании доминировать. Он напоминал мне Виктора — ту же уверенность, что мир вращается вокруг него. Только масштаб другой. Виктор управлял министерствами и финансовыми потоками, а Игорь — тремя деревнями и старой «Нивой». Но суть была одна. И от этой сути у меня по спине пробежал холодок.

— Я пешком дойду, — сказала я, глядя Игорю прямо в глаза. — Мне нужно... подышать.

Улыбка сползла с лица участкового. На мгновение он стал похож на капризного ребенка, у которого отобрали любимую игрушку, но через секунду он снова взял себя в руки.

— Ну, как знаешь. Вечером всё равно увидимся. Баба Надя звала на пироги, — он бросил короткий взгляд на Артёма, полный неприкрытой неприязни. — Бывай, фермер. Не пере-трудись.

Машина рванула с места, обдав нас новой порцией выхлопных газов. Мы остались вдвоем. Тишина после рева мотора казалась оглушительной.

— Извините за это, — Артём наконец заговорил. — Игорь привык, что здесь всё под его контролем. Особенно то, что он считает своим по праву.

— Я не его собственность, — резко ответила я.

— Он так не думает, — Артём горько усмехнулся. — Для него вы — та самая жар-птица, которая улетела, но теперь вернулась в клетку. И он уже вешает на эту клетку свой замок. Я слышал, что вы вместе учились в школе, а потом уехали покорять столицу. А теперь вот вернулись.

Я хотела возразить, сказать, что я сама приехала, что я свободна, но слова застряли в горле. Вспомнился холодный блеск столичных витрин, бесконечные приемы, где я должна была улыбаться нужным людям, и то чувство абсолютного бессилия, когда моя жизнь перестала принадлежать мне.

Я ведь сбежала не просто в деревню. Я сбежала от самой идеи быть чьим-то дополнением. А здесь меня ждал Игорь, готовый с радостью занять вакантное место моего хозяина.

— Вам лучше идти, Арина, — мягко сказал Артём, возвращаясь к своему трактору. — Солнце печет. И... не принимайте его слова близко к сердцу. Он просто не умеет по-другому.

Я развернулась и пошла обратно к дому. Ноги в кроссовках казались налитыми свинцом. Я смотрела на свои руки, на этот безупречный маникюр, который смотрелся здесь так дико, и вдруг почувствовала острое желание содрать этот лак, вцепиться пальцами в эту черную, жирную землю и просто кричать.

Но я просто шла. Мимо покосившихся заборов, мимо любопытных глаз, провожавших меня из-за занавесок. Я вернулась в прошлое, чтобы спрятаться от будущего, но оказалось, что прошлое — это не тихая гавань. Это старый капкан, который только и ждал, когда я в него наступлю.

Глава 3

Вечер опустился на деревню быстро, принеся с собой прохладу и запах жженой травы. Я стояла перед старым зеркалом в своей комнате, пытаюсь соорудить нечто приличное из того, что осталось в чемодане.

В итоге выбрала черное трикотажное платье — слишком облегающее для этих мест, но достаточно простое, чтобы не выглядеть совсем уж нелепо. На шее — тонкая золотая цепочка. Единственное, что я не заложила в ломбард перед побегом. Мои пальцы коснулись кулона, и я на секунду зажмурилась. Виктор любил дарить украшения после каждой крупной ссоры. Это была его валюта за мое молчание и покорность.

— Красишься всё? — Дед заглянул в комнату. Он уже сменил рабочую одежду на чистую рубашку, но взгляд оставался колючим. — Игорь ждет. Машину свою наполировал, аж глаза режет. Смотри, Арина... — он замолчал, подбирая слова. — Красивые слова — они как фантики. Внутри может быть пусто.

— Я просто иду поужинать, дедушка, — сухо ответила я, обводя губы помадой нейтрального цвета.

— Ужинай. Да только не забудь, что ужин этот — не бесплатный.

Я ничего не ответила. Мне хотелось хоть на пару часов забыть о запахе навоза и косых взглядах бабушки.

Игорь ждал у калитки. Его «Нива» действительно сияла в лучах заходящего солнца. Сам он был в джинсах и дорогом, судя по всему, поло — явно выходной вариант. Он окинул меня взглядом, в котором вспыхнул такой откровенный огонь, что мне стало не по себе.

— Шикарная, — выдохнул он, открывая передо мной дверь. — Я же говорил — королева.

Мы поехали к трассе, в кафе «Оазис». Это было место силы местного масштаба. Кирпичное здание с неоновой вывеской, парковка, забитая фурами и парой «Гелендвагенов» с областными номерами. Внутри — тяжелые дубовые столы, пахло шашлыком, табаком и каким-то дешевым освежителем с ароматом океана.

Как только мы вошли, музыка — какой-то надрывный шансон — стихла на секунду, и все взгляды обратились на нас. Точнее, на Игоря. А потом на меня.

— О, Петрович! — крикнул кто-то из угла.

— Здорово, мужики, — Игорь небрежно кивнул, ведя меня к самому лучшему столику у окна, на котором уже стояла табличка «Заказано».

Официантка, молоденькая девчонка с испуганными глазами, подлетела к нам мгновенно.

— Игорь Петрович, вам как обычно?

— Неси всё лучшее, — распорядился он, даже не глядя в меню. — Мясо, нарезку, овощи. И вина... итальянского. Есть у вас еще то, из заправки?

— Конечно, — кивнула девчонка и исчезла.

Я невольно сравнила это с «Turandot» или «White Rabbit», где Виктор заказывал столы за недели. Там официанты были тенями, а здесь — подданными. Игорь наслаждался своей властью. Он не просил — он брал. И в этом была пугающая схожесть с тем миром, от которого я бежала.

— Ну, расскажи, — Игорь облокотился на стол, подаваясь ко мне. — Как ты там? В телевизоре тебя не видел, хотя искал. Небось, всё по закрытым приемам да презентациям?

— Вроде того, — я уклончиво улыбнулась, пригубив принесенное вино. Вино было кислым, с резким спиртовым привкусом, но я заставила себя не поморщиться. — Москва затягивает. Там время летит иначе.

— А помнишь, как мы в десятом классе за клубом сидели? — его голос стал мягче, в нем прорезались нотки той самой искренности, которая когда-то заставляла меня верить ему.

— Ты тогда сказала, что уедешь и станешь звездой. А я обещал, что буду тебя по телевизору смотреть и всем говорить: «Это моя девчонка».

— Помню, — тихо ответила я. — Мы тогда много чего обещали.

— Я свои обещания не забываю, Арин, — он накрыл мою ладонь своей тяжелой, горячей рукой. — Я здесь теперь всё держу. И если ты решишь остаться... тебе ни о чем беспокоиться не придется. Дед твой — старик, он земли не тянет. А я могу всё устроить. И дом подправим, и... вообще.

Я смотрела на его пальцы, сжимающие мою руку. В голове промелькнула мысль: «А может, это и есть выход?». Сдаться. Принять его правила игры. Он защитит меня от Виктора, от прошлого, от этой невыносимой нищеты и труда. Стать «его Ариной» здесь, в этом маленьком царстве. Это было привычно. Понятно. Почти комфортно.

Но тут я вспомнила взгляд Артёма сегодня в поле. Спокойный, оценивающий, без этого липкого желания обладать. Артём видел во мне человека, а Игорь — главный трофей своей жизни.

— Мне нужно время, Игорь, — я мягко убрала руку, делая вид, что хочу поправить волосы. — Я только приехала. Всё так... непривычно.

— Время — оно есть, — он усмехнулся, и в его глазах снова промелькнуло то властное выражение, которое я видела днем. — Главное, чтобы ты правильный выбор сделала. А то знаешь, в наших краях одиноким девушкам опасно. То фермеры какие-то подозрительные крутятся, то еще что...

Он снова стал «положительным», начал рассказывать какие-то смешные истории из своей службы, подкладывал мне лучшие куски мяса, которые казались мне невыносимо жирными. Я смеялась, поддерживала беседу, но внутри росло странное чувство.

Словно я снова вхожу в ту же самую реку, которая однажды чуть не утопила меня. Только вода в ней теперь не лазурная, а мутная, с привкусом придорожной пыли.

Когда мы возвращались, Игорь остановил машину у самого дома, но не спешил открывать дверь.

— Я завтра загляну? — Спросил он, обдавая меня запахом коньяка, который он все-таки выпил в конце ужина. — Помогу деду с забором. А вечером можем в районный центр съездить, там кинотеатр новый открыли.

— Посмотрим, Игорь. Спасибо за ужин.

Я вышла из машины и почти бегом бросилась к калитке. В окнах дома было темно, только на веранде горел тусклый свет.

Зайдя в свою комнату, я стащила черное платье и долго стояла под ледяной струей воды в летнем душе. Я терла кожу мочалкой так сильно, словно хотела содрать с себя и это вино, и этот жирный шашлык, и этот взгляд Игоря, который уже примерил на меня свой ошейник.

Я хотела любви. Искренней, чистой. Но пока я видела только разные формы собственности.

Засыпая, я почему-то вспомнила не лоск кафе «Оазис», а запах нагретой солнцем земли и тихий голос Артёма: «Здесь ты — хозяин».

Глава 4

Утро началось не с будильника, а с резкого, бесцеремонного стука в дверь.

— Вставай, «столичная». Коровы сами себя не выгуляют, — голос деда был сухим, как треск валежника под ногами.

Я разлепила веки. Тело отозвалось глухой болью — старая перина за ночь превратилась в камень. Часы на айфоне показывали пять тридцать утра. В это время в моем «прошлом» я обычно только возвращалась из клубов или ворочалась в шелковых простынях, пытаюсь заглушить снотворным очередную ссору с Виктором.

Я натянула старые треники, которые нашла в шкафу, и вышла во двор. Воздух был ледяным, пахло росой и навозом.

— На, — бабушка протянула мне эмалированное ведро с зерном. — Кур покормишь. Только к гусям не суйся, они у нас с характером.

Я взяла ведро. Куры казались безобидными, пока я не зашла в загон. Десятки пернатых существ с безумными глазами бросились мне под ноги, хлопая крыльями. Я инстинктивно отпрыгнула, рассыпав половину зерна на свои кроссовки.

— Ну чего ты замерла? — Бабушка наблюдала за мной с крыльца. Она не смеялась, но в её прищуре было столько скепсиса, что мне стало тошно. — Они тебя не съедят.

Я стиснула зубы и шагнула вперед. Но настоящая проверка ждала меня у корыта с водой. Пятеро гусей, огромных, белоснежных и невероятно надменных, преградили мне путь. Самый крупный — вожак — вытянул шею, зашипел так, что у меня мурашки пошли по спине, и двинулся на меня.

— А ну пошел! — Крикнула я, но голос сорвался.

Гусь не оценил мой столичный авторитет. Он ударил клювом по моему кроссовку, и я, взвизгнув, отскочила назад, едва не перевернув ведро.

— Боится... — тихо сказал дед, проходя мимо с вилами. — Своих корней боится, мать. Что с неё взять. А раньше ведь не боялась.

Эти слова обожгли сильнее, чем гусиный клюв. Мне было не выносимо видеть и слышать, как холодно ко мне здесь относятся. Да, может быть, я это заслужила. Может быть без «может быть». Да что там, заслужила. Сама виновата. Но как же хочется той заботы и тепла, что окружали меня в этом доме все мое детство и юность.

Ничто не дается просто так. Я должна была заслужить нормального к себе отношения. Я должна доказать, и в первую очередь себе, что я та самая девчонка, которая была душой этого старого уютного дома. И я сделаю это! Во что бы то ни стало.

Если бы я знала, что меня ждет впереди, я бы, наверное, так не думала...

Весь день превратился в бесконечный марафон унижений. Сначала свинарник — запах там был такой, что меня едва не вывернуло наизнанку. Я чистила навоз, стараясь не дышать, пока пот заливал глаза, разъедавая дорогой тональный крем. Потом огород.

Дед выделил мне делянку с картошкой, заросшую вьюнком.

— Полоть умеешь? Или только в маникюрных салонах пальцы гнуть? Забыла небось, как с грядками обращаться?

Я не ответила. Села на корточки и начала рвать траву. Через час спина перестала разгибаться. Через два — на ладонях, несмотря на мои тонкие кожаные перчатки, лопнули первые мозоли. Я смотрела на свои руки. Идеальный французский маникюр был безнадежно испорчен: лак облупился, под ногти забились жирная, черная земля.

Бабушка подошла к обеду, принесла кружку холодного кваса. Села рядом на скамейку, долго смотрела, как я сражаюсь с очередным корнем.

— Зачем вернулась-то, Ариша? — Спросила она вдруг тихо, без обычной колкости. — Ведь не по любви к земле приехала. Бежишь от кого?

Я замерла. В горле встал ком. Я вспомнила лицо Виктора, его холодный приказ «избавиться от проблемы» и то, как я уходила из его пентхауса с одним чемоданом, чувствуя себя пустой оболочкой.

— Просто... некуда больше, баб Надь, — выдохнула я, не поднимая глаз. Слезы едва не вырвались потоком из глаз, но я выдрессированным умением заставила их не идти.

Бабушка вздохнула, хотела дотронуться до моего плеча, но в последний момент отдернула руку. Словно боялась, что если она сейчас меня пожалеет, а я завтра снова исчезну, то её сердце окончательно разлетится на куски.

— Понятно, — сухо бросила она, поднимаясь. — Допалывай. К вечеру еще корову встречать.

Черт! За утренними делами, я так и не проводила корову в стадо. Дед сам управился и больше меня не просил, доверив менее важные дела. Новую возможность реабилитироваться с коровой я не должна профукать.

К восьми вечера я не чувствовала ног. Я зашла в дом, едва передвигаясь. На кухне тикали старые часы, дед чинил какую-то упряжь, бабушка вязала. Они не звали меня к столу, не спрашивали, как я. Просто молчали, создавая вокруг меня вакуум, в котором я была обязана выжить сама.

Я доползла до своей комнаты и рухнула на кровать прямо в одежде. Сил не было даже на то, чтобы смыть грязь с лица. Есть совершенно не хотелось.

На тумбочке завибрировал телефон. На экране высветилось: «Игорь».

Он звонил раз, другой, третий. Экран вспыхивал, освещая темные углы комнаты, но я не могла даже протянуть руку. Звук мелодии казался чем-то из другой галактики — далеким, навязчивым и совершенно ненужным.

Я закрыла глаза. Перед мысленным взором стоял не Игорь в его начищенной «Ниве», и не Виктор в дорогом костюме. Я видела Артёма. Его спокойные руки, испачканные мазутом, и его слова о том, что земля всегда отдает сторицей.

«Интересно, — подумала я, засыпая, — а что эта земля может отдать мне, кроме боли и усталости?»

Телефон затих. Последнее, что я услышала перед тем, как провалиться в беспамятство — это далекий, приглушенный крик того самого гуся во дворе.

Глава 5

Утро встретило меня такой ломотой в мышцах, что я не смогла сдержать стон, пытаюсь просто сесть на кровати. Мои ладони горели — вчерашние мозоли превратились в водянистые пузыри. Глядя на свои испорченные кроссовки и розовый костюм, покрытый несмываемыми пятнами от травы и свинарника, я поняла: так дальше нельзя. Мой столичный гардероб здесь не просто бесполезен — он опасен.

— Баб Надь, — позвала я, выходя на кухню. — Где тут можно одежду купить? Мне... что-то попроще нужно.

Бабушка окинула меня взглядом, в котором на секунду промелькнуло некое подобие одобрения, тут же скрытое за маской безразличия.

— В «Райпо» иди, на перекрестке. Зинка там сейчас торгует. Только денег-то у тебя много? Там в долг ЧУЖИМ не дают.

Опять это не принятие. Я отчетливо слышала, как бабушка выделила слово «чужим». Ну правильно, а кто я еще такая?

Я нащупала в кармане пачку пятидесятирублевых купюр — остатки моей «выходной выплаты» от Виктора. Для Москвы — копейки, на пару ужинов. Здесь, кажется, целое состояние.

— Хватит, — коротко ответила я.

Дорога до магазина заняла минут десять. Я чувствовала каждый взгляд, провожавший меня из-за заборов. Деревня гудела. «Вернулась», «Ходит как пава», «Видать, выгнали».

Магазин встретил меня смесью запахов: копченой колбасы, дешевого стирального порошка, пыли и старого дерева. За прилавком стояла грузная женщина в синем фартуке — та самая Зинка. При моем появлении она замерла, не донеся до полки буханку хлеба. У прилавка о чем-то шептались две местные женщины в цветастых платках.

Как только я вошла, шепот стих. Оглушительно. Я не спеша оглядела скудный ассортимент одежды и обуви. Не густо. А чего еще ожидать, когда сельский магазинчик ломится от разнообразия товаров, что называется «от ган**на до батона».

— Здравствуйте, — я постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно, по-деловому. — Мне нужны носки х/б, пара халатов... покрепче. И галоши. Сороковой размер есть?

Зинка медленно отложила хлеб и вытерла руки о фартук. Её глаза сканировали меня, как рентген, задерживаясь на моих золотых сережках и часах, которые стоили как этот магазин вместе с товаром.

— Галоши есть, — голос у неё был скрипучий. — И халаты. Только расцветки у нас... не московские. Ситец, иваново. Брать будете?

Одна из женщин у прилавка громко хмыкнула:

— Ишь, галоши ей... Думала, в туфлях по навозу сподручнее? Чай, не на подиуме.

Я проигнорировала укол, хотя внутри всё вскипело. Пока Зинка копалась на задних полках, выуживая чудовищные на вид, но практичные вещи, мой взгляд упал на прилавок. Там лежала толстая, засаленная тетрадь в клетку.

Зинка как раз открыла её, чтобы что-то записать. Я невольно скользнула взглядом по строчкам.

«Никифоров — 1200 (хлеб, сахар, водка)»

«Степановна — 450 (крупа, мыло)»

И вдруг сердце пропустило удар.

«Кузьмич (Сергей К.) — 18 600. Масло, мука, комбикорм...»

Восемнадцать тысяч шестьсот рублей! Для моих деда и бабушки это была огромная сумма. Почти вся их пенсия. Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Они жили в долг. Всё это время, пока я заказывала устрицы в «Марио» и капризничала из-за цвета кожаного

салона в новой машине Виктора, мои единственные близкие люди считали копейки в этой грязной тетради.

— Вот, меряй, — Зинка швырнула на прилавок черные резиновые галоши с начесом внутри и два халата в жуткую мелкую розочку. — С тебя две тысячи двести за всё.

Я потянулась за кошельком, но в этот момент дверь магазина распахнулась с таким грохотом, что звякнул колокольчик под потолком.

На пороге стоял Игорь. При полном параде, в фуражке, с выражением лица человека, который пришел карать и миловать. Он обвел помещение тяжелым взглядом.

Женщины у прилавка тут же вытянулись, словно по команде «смирно». Зинка моментально захлопнула долговую тетрадь и расплылась в заискивающей улыбке.

— Игорь Петрович, заходите-заходите! Вам как обычно? Свежий завоз вчера был...

Но Игорь её не слышал. Его взгляд впился в меня. Тишина в магазине стала такой плотной, что её, казалось, можно было резать ножом. Это была та самая «немая сцена» — момент, когда власть входит в комнату и лишает всех остальных права на звук.

Игорь медленно подошел ко мне. Он был зол, и это чувствовалось в каждом его движении.

— Почему на звонки не отвечала? — спросил он тихо, но так, что у Зинки за прилавком дернулся глаз. — Я три раза звонил. Собирался уже с мигалками к твоему деду ехать. Думал, случилось что.

— Я устала и уснула, Игорь, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Работала весь день в огороде. И по хозяйству помогала.

Игорь посмотрел на галоши и халаты на прилавке, потом на мои испачканные руки с обломанными ногтями. Его лицо на секунду исказилось — то ли от брезгливости, то ли от странного удовлетворения.

— Понятно, — он обернулся к застывшим женщинам и Зинке. — Ну, чего уставились? Дел нет? Зина, обслужи Арину по высшему классу. И запиши... — он замолчал, глядя на тетрадь, — запиши её покупки на мой счет.

— Не надо, — резко перебила я, доставая пятитысячную купюру. — У меня есть деньги.

Игорь прищурился. Его доброжелательность мгновенно испарилась, уступив место тому самому «участковому», который не терпит возражений. В магазине стало так тихо, что было слышно, как на улице проезжает трактор Артёма.

Все ждали: примет ли «столичная штучка» его покровительство или рискнет пойти против хозяина района на глазах у всех свидетелей?

Глава 6

Я купила галоши и халаты, расплатившись наличными, несмотря на настойчивость Игоря. Когда мы вышли из магазина, тишина вокруг него расступилась, и местные жители вновь зашушукались, но уже более сдержанно. Участковый здесь был богом, и никто не хотел нарываться.

— Зачем ты это сделала? — Спросил Игорь, когда мы сели в машину. Голос у него был холоден, как утренний воздух. — Я же предложил помочь. Стыдно принять от старого знакомого? Или от «хозяина района»?

— Я сама могу за себя платить, — сухо ответила я. — И не люблю быть кому-то обязанной.

Он усмехнулся, но в этот раз усмешка была не доброжелательной, а едкой.

— Обязанной... Что ж, твое дело. Только ты вот что знай, Арина. Твои дед с бабкой должны Зинке в этом магазине почти двадцать тысяч рублей. И это только по продуктам. А ведь еще лекарства, дрова на зиму... Ты за их долги платить будешь? Или будешь ждать, пока их из дома выгонят за неуплату?

Мое сердце упало. Я знала про долг из тетради, но не думала, что это так серьезно. И уж тем более не думала, что Игорь так быстро и точно ударит по самому больному. Он прекрасно понимал, что мне сейчас нужна любая зацепка, чтобы остаться. Он чувствовал, что без чьей либо поддержки, я не продержусь тут и недели.

— Я... разберусь, — пробормотала я. Я была непреклонна. Может быть во вред себе. Так и быть.

— Разберешься? — Игорь фыркнул. — Чем? Тем, что на себя надела? Пойми, только одно твое слово и весь мир будет у твоих ног. Тебе вообще не нужно будет работать. И тем более на земле. Одно слово.

Меня едва не рассмешили его слова о всем мире. Да, в какой-то мере, так и было. Он был хозяином «этого» мира. Но ведь он даже представить себе не может, насколько этот мир выглядит жалко по сравнению с тем, что я недавно потеряла. Откуда ему было знать, что меня не выгнали из «того» мира, в котором я была как рыба в воде. Не стало одного покровителя, всегда можно найти другого. При моих внешних данных и том опыте, что я набрала за последние пять лет, для меня не составило бы труда поменять одну золотую клетку на другую. Я сделала выбор СОЗНАТЕЛЬНО. Это был мой выбор. Возможно, я о нем пожалею. Да, собственно, уже жалею. Отчасти. Но я выдрала из себя столичную жизнь с корнем. С кровью. И никогда не хочу к этому возвращаться.

— Игорь, я сама выбрала такую жизнь. — Тихо проговорила я. — И не собираюсь от нее отказываться.

— Ладно, как знаешь. Я потерплю. Чай не гордый. Только вот что: тебе, чтобы здесь работать, нужна нормальная одежда. Спортивные костюмы, обувь, чтобы грязи не бояться. А не эти... — он бросил взгляд на мои туфли, которые я теперь не решалась надевать, — московские тряпки. Поехали в район. Там торговый центр есть, небольшой, конечно, не как твой столичный, но хоть что-то подобрать сможем. Купишь себе нормальную экипировку. Ну или я куплю, если ты не побрезгуешь быть «обязанной».

Предложение было слишком заманчивым, чтобы отказаться. Я видела свои руки, стертые до крови, и понимала, что без подходящей одежды долго не протяну. А без меня старикам будет еще хуже.

— Хорошо, — выдохнула я. — Поехали.

Мы доехали до районного центра за двадцать минут. «Торговый центр» оказался двухэтажным зданием, в котором ютились несколько небольших магазинов. Игорь вел меня по отде-

лам, выбирая самые практичные вещи: прочные кроссовки, плотные штаны, непромокаемые куртки. Он был внимателен, почти заботлив, но при этом в его взгляде читалось собственничество. Словно он уже примерял меня к этой новой роли «своей деревенской Арины».

Я держала дистанцию. Отвечала на вопросы односложно, стараясь не пересекаться с ним взглядом, когда он выбирал мне футболки, прикладывая их к моей груди. Его прикосновения были случайными, но слишком настойчивыми.

Когда мы вышли из магазина с пакетами, Игорь вдруг положил мне руку на пояс.

— Хорошая поездка, правда? — его голос был мягким, почти ласковым. — Видишь, Арина, со мной ты можешь быть... настоящей. Не прятаться за всеми этими выдумками.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он видел во мне слабость, а не силу. Я уже пожалела, что позволила ему оплатить мои покупки. Нужно было покупать на свои. Да, это бы слишком сильно ударило по моему скромному бюджету, но будущих проблем можно было бы избежать. Только вот в тот момент я думала не о себе, а о стариках, которым нужна моя помощь и, возможно, мои деньги.

Когда мы подъехали к дому, уже стемнело. Я потянулась к ручке двери, но Игорь заблокировал замок. В этот раз он не позволил мне сбежать, не получив хоть какой-то оплаты за его внимание.

— Арина... — он повернулся ко мне, и в свете фонаря его глаза блеснули каким-то диким огнем. — Ты же понимаешь, зачем я здесь? Зачем ждал тебя все эти годы? Ты моя. И всегда была моей.

Я почувствовала, как сердце забилося чаще. Его лицо приближалось. Запах алкоголя и табака, который я так ненавидела в Викторе, сейчас казался таким же омерзительным.

— Игорь, нет, — я попыталась оттолкнуть его, но он был слишком силен.

Его губы прижались к моим. Это был не поцелуй, а попытка захвата. Грубый, властный, пропитанный ощущением превосходства. Я отвернулась, дернулась, но он крепко держал меня, прижимая к сиденью.

— Пусти, — прошипела я, чувствуя, как по щеке катится слеза. От ярости, от бессилия, от ощущения дежавю.

Игорь отстранился, но не выпустил меня. Он тяжело дышал, и в его глазах читалась смесь обиды, гнева и всепоглощающего желания.

— Я не понимаю, Арин. Что ты ломаешься? Ты же знаешь, что к чему. Здесь по-другому не бывает. Ты теперь моя. И всё будет по-моему.

Он резко разблокировал дверь. Я выскочила из машины, не оглядываясь, и бросилась к калитке. Замок щелкнул за моей спиной, когда я влетела в дом.

Я стояла в темноте прихожей, прижимаясь к двери, и дрожала. Меня трясло от гнева и страха. Вот она, новая «золотая клетка». С теми же правилами, только стены у неё из местного кирпича, а не столичного стекла.

В ушах звенели его слова: «Все будет по-моему. Здесь по-другому не бывает».

Глава 7

Утром я надела новый спортивный костюм — темно-синий, из плотной ткани. Кроссовки плотно обхватили стопы, даря забытое чувство устойчивости. Я посмотрела на себя в зеркало: гладкий хвост, отсутствие макияжа, практичная одежда. Столичная «львица» окончательно спряталась под кожей, уступив место женщине, которой просто нужно было пережить этот день.

Дед возился у сарая, пытаясь подправить провисшую петлю на двери. Его руки дрожали от напряжения. Работа, не в пример прошлым годам, давалась его гораздо тяжелее. А любое напряжение отзывалось болью в старых суставах.

— Давай я подержу, дедушка, — я подошла и подставила плечо под тяжелое полотно двери.

Он покосился на меня, хотел было привычно буркнуть что-то колкое, но, увидев мою новую «форму» и решительный взгляд, промолчал. Мы работали в паре десять минут. Он стучал молотком, я держала. Когда дверь наконец заскрипела на месте, дед вытер лоб рукавом и коротко кивнул.

— Сапоги-то в районе брала? — Спросил он, глядя на мои новые кроссовки.

— Да. С Игорем ездили.

— С Игорем... — дед нахмурился, в глазах мелькнула тень тревоги. — Ты с ним поосторожнее, внучка. Он парень справный, но власти в нем больше, чем сердца.

Это были первые слова заботы за все дни. Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Я знаю, дед. Он... настойчивый.

— Если придет, а видеть его не захочешь — иди в предбанник или за огород, к реке. Скажу, что в поле ушла, Артёму помогать, — он замолчал, словно испугавшись собственной откровенности, и быстро добавил: — Иди вон, бабка корыта чистить звала. Не стой без дела.

Весь день прошел в лихорадочной работе. Я чистила, полола, таскала воду. Каждый раз, когда мой телефон в кармане начинал вибрировать, я вздрагивала. Игорь звонил каждые два часа. Я не брала трубку. Экран вспыхивал его именем, напоминая о том липком поцелуе и обещании: «Будет по-моему».

Около четырех часов дня к калитке притиснулась знакомая белая «Нива». Я в это время как раз была во дворе. Увидев машину, я метнулась за сарай, сердце колотилось в горле.

Через щель в досках я видела, как Игорь вышел из машины. Он выглядел раздраженным, постоянно поправлял ремень. Дед вышел ему навстречу, неторопливо, опираясь на палку.

— Где она? — Голос Игоря долетел до меня, резкий и требовательный.

— В поле ушла, — спокойно ответил дед. — Артём там технику пригнал, просил помочь межи разметить. Вернется поздно, не ищи.

Игорь выругался, ударил ладонью по крыше машины.

— Скажи ей, пусть трубку берет. Я не мальчик, чтобы за ней по кустам бегать.

Он уехал, подняв тучу пыли. Я перевела дыхание, чувствуя особую благодарность к деду. Он прикрыл меня, хотя внешне все еще относился как к чужой. Для меня это был маленький положительный сдвиг в наших отношениях, которые вновь, хоть и со скрипом, начали налаживаться.

Эх, можно было бы вернуть все назад по одному щелчку пальцев! Как было бы здорово! Мечты да и только.

В детстве и юности я очень любила мечтать. Дня не проходило, чтобы меня не затянуло в какие-либо выдуманные дали. Сначала, начитавшись различных книжек, я хотела стать принцессой. На крайний случай доброй феей или волшебницей. Немного повзрослев, я стала мечтать о чем-то более реальном. Я стала воображать, что стану иконой глянцевого журнала. И

не важно в каком качестве. Наличие природных талантов и неумная энергия, позволили мне развить данное мне от природы.

Мне было совсем не лень мотаться несколько раз в неделю в районный дом культуры, чтобы принимать участие в различных мероприятиях, а также заниматься в нескольких творческих коллективах сразу. Я занималась танцами и вокалом, ходила на КВН и участвовала в театрализованных представлениях. И везде у меня все выходило очень хорошо. Уже тогда мне прочили большое будущее.

Но вместо поэтапного плана развития: школа — училище культуры или искусств — институт. Я решила, что способна на большее. Я замахнулась, не больше не меньше, на саму столицу. Никто тогда не поверил, когда я заявила, что скоро поеду в Москву. А я взяла и поехала. Только вот пришлось бросить не только отчий дом, но и бабушку с дедушкой, для которых я была единственной отрадой и надеждой на будущее...

К вечеру, когда тени стали длинными и синими, я вышла за огород. Ноги сами понесли меня к тому дальнему клину, где вчера работал Артём. Мне почему-то казалось, что я увижу там его трактор, услышу его спокойный голос. Это желание было иррациональным — после вчерашнего напора Игоря мне хотелось просто поговорить с кем-то, кто не пытается меня присвоить.

Но поле было пустым.

Только ветер шумел в верхушках берёз да где-то далеко кричала птица. Трактора не было. Следы протекторов на мягкой земле — вот и всё, что осталось от Артёма.

Я села на поваленное дерево и почувствовала странное, щемящее сожаление. Почему он не приехал сегодня? Может, у него дела в районе? Или Игорь все-таки нашел способ ему помешать?

Я поймала себя на мысли, что жду встречи с ним больше, чем чего-либо другого. Артём был единственным, кто не судачил о моем «блестящем» прошлом и не требовал ничего в настоящем. Рядом с ним я не чувствовала себя ни элитной игрушкой, ни «жар-птицей в клетке». Я была просто Ариной. Сельской простой девчонкой.

Я вернулась домой в сумерках. Бабушка уже накрыла на стол. Она всё еще была холодна, но в тарелку положила мне самый румяный кусок пирога. ПИРОГА, подумать только! Да я бы еще месяц назад за такой вот кусочек выпечки, провела бы не менее двух часов за интенсивными тренировками в спортивном зале. А сейчас у меня такие «тренировки», что лишние калории не успевают даже понять, что они совсем даже не лишние, а недостающие.

Засыпая в тот вечер, я не думала о Москве. Я не думала о Викторе. Я смотрела на свои огрубевшие ладони и ждала завтрашнего дня. Не потому, что полюбила работу, а потому, что в глубине души надеялась снова услышать гул трактора за лесом.

Глава 8

Очередной день для меня прошел в трудах и заботах. Мне все также было тяжело трудиться на земле, а вечерами тело ломило от усталости и навалившейся боли. Но это была хорошая боль. Мне это даже начинало нравится. Попахивает мазохизмом, но в этом нет ничего нездорового.

Телефон в кармане завибрировал в десятый раз за вечер. «Игорь». Я даже не стала смотреть на экран. Это жужжание казалось назойливым насекомым, от которого хотелось отмахнуться. Пусть злится. Пусть караулит у ворот. Сейчас мне было всё равно.

Я проскользнула через заднюю калитку и пошла по едва заметной тропинке, ведущей к реке. Вечерний воздух был густым и прохладным, пахло влажной травой и тиной. Ноги в новых кроссовках шагали уверенно.

Я услышала всплеск воды еще до того, как вышла к берегу. У старой ивы, чьи ветви склонялись к самой воде, я увидела Артёма. Он плавал, а его сильные руки мерно разрезали гладь реки. На берегу, на поваленном стволе, лежала его футболка и поношенные джинсы.

Я замерла, не решаясь подойти ближе. В лучах заходящего солнца река казалась расплавленным золотом, и Артём в ней выглядел частью этой природы — естественным, спокойным, сильным.

— Арина? — Он заметил меня, когда я сделала неосторожный шаг. — Вы не заблудились?

Он не поплыл к берегу, оставаясь в воде по грудь. Между нами была дистанция в несколько метров, и это расстояние дарило мне странное чувство безопасности.

— Просто гуляю, — ответила я, присаживаясь на край ствола, подальше от его вещей. — Дед сказал, вы сегодня в поле не выезжали.

— Трактор закапризничал, пришлось в гараже полдня провести, — он улыбнулся, и его зубы блеснули в сумерках. — А вы, я смотрю, экипировку сменили. Теперь на «модницу из столицы» совсем не похожи.

— Это комплимент или критика? — Я невольно улыбнулась в ответ.

— Констатация факта. Здесь шёлк долго не живет, — он подплыл чуть ближе, но всё так же держал дистанцию. — Рекомендую, кстати, искупаться. Вода отличная! Смывает всё лишнее.

— Нет, я просто... посижу, — я обхватила колени руками.

Артём вышел из воды чуть в стороне, за кустами, и через минуту появился уже в джинсах, вытирая мокрые волосы футболкой. Он сел на другой конец ствола.

— Вы на меня так смотрите, Арина, словно ждете подвоха, — сказал он тихо, глядя на реку. — Не бойтесь. Я не из тех, кто способен причинить зло.

Мы какое-то время посидели молча. Любовались закатом и игрой мелких рыбешек, что стайками подплывали к поверхности воды и пытались ухватить травинку ли, листочек, или семечко какой-то травинки, случайно занесенное сюда ветром. Все вокруг казалось таким тихим и спокойным, что невольно возникало ощущение, как будто другого, внешнего мира, сейчас не существовало.

Наконец, Артем нарушил идиллию тишины. Но мне не показалось это кошунством. Мне хотелось с ним говорить. О чем угодно. Только бы слышать его голос. Его спокойные, уверенные интонации, рассудительный тон, давали мне ощущение душевного равновесия.

Но с другой стороны, с ним можно было и просто молчать. Иногда слова в общении могут не иметь значения и само присутствие близкого к тебе человека дарит уникальное чувство единения. И не важно, говорите вы о чем либо или хотя бы вот так молча сидите рядом.

— Я понимаю, что вам здесь скучно. Что для вас это всё — временная ссылка. Вы ведь скоро уедете, как только... ну, как только дела наладятся.

— Почему вы так решили? — Удивилась я, повернувшись к нему.

— Потому что такие, как вы, в нашей глуши не приживаются.

— Такие как я? — Переспросила я. — Что вы имеете ввиду?

— Вы — как редкая птица, которую случайно занесло ветром. Красиво, но не к месту. Мне вот до вас... как до Москвы пешком. Так что я даже не пытаюсь...

В его словах не было горечи, только спокойное принятие фактов. И это задело меня сильнее, чем любая грубость. Он считал меня «фифой», неспособной на глубокие чувства или долгую жизнь без блеска.

— А если я не хочу уезжать? — Спросила я, глядя на свои огрубевшие ладони. — Если там, в Москве, нет ничего, кроме... — я осеклась, не желая произносить вслух слово «грязь».

Артём внимательно посмотрел на меня. В его взгляде мелькнуло понимание.

— Я вас прекрасно понимаю. Вот только тогда вам придется научиться смеяться над собой, — вдруг сказал он и подмигнул. — Знаете, как у нас говорят про тех, кто боится гусей? «Гусь — птица важная, он сразу видит, у кого душа бумажная».

Я не выдержала и прыснула. Откуда он про гуся знает? Неужели дед проболтался?

— У меня не бумажная! Просто он... он огромный! И шипит, как демон!

— Просто ему надо сразу показать, кто тут главный. А так они добрые и заботливые птицы. Знаете, как они целуют? — Серьезно добавил Артём. — У них это высшая мера признания.

Я представила себе эту картину и расхохоталась в голос. Это был мой первый искренний смех за многие месяцы. Без оглядки на то, как я выгляжу, без страха обидеть «хозяина», без фальши.

Мы просидели у реки еще час. Артём рассказывал забавные истории о своих первых попытках фермерства, о том, как однажды его поросенок сбежал и спрятался в машине участкового. Он шутил, я смеялась, и время словно остановилось. Он не пытался ко мне прикоснуться, не заглядывал в глаза с немым требованием, как Игорь. Он просто был рядом.

Когда мы возвращались к дому, сумерки окончательно сгустились.

— Спасибо за вечер, Артём, — сказала я у калитки.

— Вам спасибо. Давно я так не смеялся, — он кивнул и пошел в сторону своего дома, не оборачиваясь.

Я зашла в прихожую. Дома было тихо. Дед и бабушка уже спали. Я прошла в свою комнату и, не включая свет, села на кровать.

В кармане снова дернулся телефон — очередной пропущенный от Игоря. Я достала его и просто выключила аппарат.

Впервые за долгое время я чувствовала не страх, не пустоту, а странное тепло. Я вспомнила запах реки, тихий голос Артёма и свой собственный смех.

Оказалось, что для счастья не нужны рестораны с мишленовскими звездами и бриллианты на шее. Иногда достаточно просто сидеть на поваленном дереве у реки с человеком, который не хочет тебя присвоить.

«Я могу быть здесь счастливой», — пронеслось в голове перед тем, как я уснула. И эта мысль была самой пугающей и самой прекрасной из всех, что посещали меня за последние семь лет.

Глава 9

В деревне у стен есть уши, а у занавесок — глаза. Мое недолгое счастье у реки рассыпалось в прах уже к утру, когда я увидела «Ниву» Игоря, припаркованную прямо напротив наших ворот. Он больше не звонил. Он ждал.

Я вышла во двор, чувствуя, как внутри всё сжимается от недоброго предчувствия. Игорь стоял, прислонившись к капоту, и медленно курил, глядя на дорогу. Его лицо было серым, челюсти плотно сжаты.

— Погуляла, значит? — Спросил он, не оборачиваясь, когда я подошла к калитке. — У реки, говорят, закаты красивые. И собеседники интересные.

— Тебе уже доложили? — Я постаралась, чтобы голос звучал твердо.

— Мне здесь всё докладывают, Арина. Кто, с кем, и до какого часа «ворковал» у калитки.

Он резко отбросил сигарету и подошел вплотную. От него веяло холодом и опасностью.

— Твои источники жутко перевирают. — Не стала так просто отдавать свои позиции я. — лучше информацию нужно проверять. А то, сам знаешь, такого в селе могут наговорить, что хоть святых выноси.

— Давай я сам буду решать, кому верить и во что верить! — Резко отрубил он. — Тебя видели вчера вечером с Артемом. Вот у этой самой калитки. А вышли вы из леса. Это тоже будешь отрицать?

— Детектив нашел виновного. Сдаюсь! — Не удержалась от подколки я. — Мне что, запрещено общаться с теми, с кем я сама захочу?

— Ты хоть понимаешь, с кем ты время проводишь? Этот твой Артём — он же никто. Приблудный. Приехал год назад из своего областного центра, интеллигентиска... «На вы» со всеми, книжки по ночам читает. Думаешь, он тут корни пустит? Да я его в один день сотру, если захочу. У него на этот трактор документов — кот наплакал, а дом в аренде на птичьих правах. Один звонок в сельсовет — и твой «фермер» пойдет по миру с протянутой рукой.

— Он тебе ничего не сделал, Игорь! Оставь его в покое! — Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Я не хотела, чтобы Артему причинили хоть какой-нибудь вред. Тем более, по моей вине.

— Он залез на мою территорию, — прошипел Игорь, и в этот момент на дороге показался Артём.

Он шел спокойно, с гаечным ключом в руке — видимо, направлялся к своему сараю. Увидев нас, он замедлил шаг. Его спокойствие, эта его манера всегда быть «на вы» и не опускаться до деревенской ругани, сейчас действовала на Игоря как красная тряпка на быка.

— О, вспомнишь солнце — вот и оно, — Игорь хищно улыбнулся и двинулся навстречу Артёму. — Эй, агроном! Подойди-ка сюда. Разговор есть.

Артём остановился. Он не выказал страха, просто смотрел на Игоря своим этим прямым, чистым взглядом.

— Доброе утро, Игорь Петрович. Что-то случилось? — Вежливость не изменила Артему, но при этом он как-то едва уловимо подобрался, готовый, если надо, отстоять свои интересы.

— Случилось. Ты, кажется, берега попутал, — Игорь подошел вплотную, почти касаясь грудью Артёма. — Ты здесь гость. Временный элемент. И если я еще раз увижу тебя рядом с этой девушкой, я тебе не просто аренду закрою. Я тебе жизнь такую устрою, что ты свой старый трактор за счастье продашь, лишь бы из района живым убраться. Понял меня, городской?

Артём не отвел взгляда. Его плечи ощутимо напряглись, пальцы крепче сжали ключ.

— Арина — свободный человек. И я не думаю, что вам решать, с кем ей общаться. А что касается угроз... это не делает вам чести, капитан.

— Чести?! — Игорь взревел и схватил Артёма за воротник футболки. — Ты мне про честь будешь затыкать, сопляк?!

— Ну да, чтобы честь что-то значила, она для начала должна присутствовать. — Довольно спокойно процедил сквозь зубы Артём. Это еще больше разозлило Игоря.

Сначала он замахнулся для удара, но потом его рука резко опустилась, и я увидела, как она потянулась к кобуре — не достать пистолет, а просто припугнуть, показать, кто здесь власть. Но при этом в глазах Игоря было столько слепой ярости, что я поняла: он не остановится. Одно движение Артёма — и Игорь пустит в ход всё: кулаки, протоколы, связи. Он уничтожит Артёма просто потому, что может.

— Игорь, хватит! — Я выскочила между ними, накрыв ладонью кулак Игоря. — Прекрати сейчас же!

— Уйди, Арина, — прорычал он, не отрывая взгляда от Артёма. — Я сейчас его по всей улице размажу!

— Я поеду с тобой! — Крикнула я, перекрывая его гнев. — Поеду, куда скажешь. Только оставь его. Слышишь? Мы ведь собирались в район, ты хотел показать мне то новое место... Поехали сейчас.

Игорь замер. Его тяжелое дыхание опалило мое лицо. Он медленно перевел взгляд с Артёма на меня. В его глазах боролись жажда расправы и торжество победителя. Торжество перевесило.

Он медленно разжал пальцы, отпуская воротник Артёма.

— Вот видишь, агроном... — Игорь поправил форму и победно усмехнулся. — Она знает, с кем ей лучше. А ты иди, гайки крути. Пока есть на чем.

Он грубо взял меня за руку и потащил к машине. Я оглянулась на секунду. Артём стоял неподвижно, его лицо было бледным, а взгляд — полным такой тяжелой, тихой боли и разочарования, что мне захотелось закричать. Он видел, как я «сдалась». Он не знал, что я просто спасаю его маленький мир, который он строил весь последний год.

— Садись, — Игорь распахнул дверь «Нивы».

Я села. Мотор взревел, и мы сорвались с места, обдав Артёма облаком едкой пыли. Я смотрела в боковое зеркало, пока его фигура не превратилась в маленькую точку и не исчезла за поворотом.

Я снова была в машине с мужчиной, который считал меня своей собственностью. Моя «свобода» продлилась ровно один вечер у реки.

— Ну вот, — Игорь довольно похлопал меня по колену, — так-то лучше. А то «время мне нужно, время»... Со мной не пропадешь, Ариша. Я здесь закон.

Я отвернулась к окну, кусая губы, чтобы не разрыдаться. Внутри всё как будто выжгло. В этот момент я ненавидела Игоря, ненавидела Виктора и больше всего на свете — саму себя за то, что снова позволила страху решать за меня.

Глава 10

Игорь свернул с трассы на старую просеку, где ветви деревьев скрежетали по бортам «Нивы», словно пытаясь удержать машину. Он молчал, и это молчание было тяжелым, давящим. Я видела, как побелели его костяшки пальцев на руле. Торжество победителя в нем смешалось какой-то темной, нутряной злобой. Он купил меня сегодня — купил безопасностью Артёма, и теперь приехал забирать товар.

Машина остановилась на заросшей поляне, окруженной густым ельником. Тишина здесь была мертвой. Как будто все звуки на свете мгновенно выключили.

— Игорь, поехали домой, — мой голос прозвучал слабо, почти шепотом. Нехорошее предчувствие начало пробираться в сердце. — Дед будет волноваться.

Он не ответил. Просто заглушил мотор и повернулся ко мне. В его глазах не было ни капли той нежности, которую он пытался имитировать в кафе. Только холодное, расчетливое желание сломать.

— Ты думала, я буду вечно хвостом за тобой ходить? — Его голос был пугающе спокойным. — Думала, я не вижу, как ты на этого агронома смотришь? Как ты от меня морщишься, будто я навоз под твоими ногами?

— Я не... — начала я, но он резко перехватил мои запястья. Страх дикой волной накатил на все мое естество. Я замерла, не в силах сделать даже лишний вдох.

— Молчи. Хватит вранья. Семь лет ты там под хвостами у своих папиков крутилась, а здесь из себя целку-недотрогу строишь? Ты меня в школьные годы с ума свела, а потом сбежала, не дав даже толики той любви, что я от тебя ждал. А я ведь любил тебя. По одной тебе с ума сходил. Думал, вот еще месяц и ты вернешься. Вернешься ко мне и скажешь, что никого и ничего тебе в этой жизни не надо, кроме меня. — Его голос, полный злобы и застарелой обиды просто дрожал от нетерпения. Потом он чуть ли не сорвался на крик. — Я тебя ждал! Я за твоими стариками приглядывал. И здесь все теперь от меня зависит. Я здесь власть, Арина. И я не привык, чтобы мне отказывали.

Когда он навалился на меня, я пыталась бороться. Я царапалась, кусала губы, упиралась руками в его грудь, пахнущую дешевым одеколоном и потом. Но он был слишком тяжелым. Слишком сильным.

А потом что-то внутри меня просто... выключилось.

Словно кто-то щелкнул тумблером, и я покинула собственное тело. Я больше не чувствовала боли, не слышала его тяжелого дыхания и мата. Я стала куклой. Обычной тряпичной куклой с нарисованными глазами, которой уже все равно, что там делают с ее оболочкой.

Мои мысли улетели далеко. В ту самую белую операционную в Москве, где потолок был таким ослепительно чистым. Где Виктор стоял за стеклом и смотрел на часы, потому что у него была важная встреча. Я вспомнила ту пустоту, которая образовалась внутри меня после наркоза. Ту самую пустоту, которую я пыталась заполнить здесь, в деревне, копаясь в земле.

«Это просто тело», — шептала я себе, глядя в темную обивку потолка машины. «Это просто оболочка. Он не может забрать то, чего уже нет».

Игорь закончил быстро. Ни сколько не смущаясь, он излил в меня. То ли его нетерпение было слишком сильным, то ли это был еще один способ показать, что я теперь его собственность. И никуда мне от него уже не деться.

Он тяжело дышал, поправляя ремень, и в его движениях не было ни грамма раскаяния. Только животное удовлетворение, смешанное с каким-то странным разочарованием.

Он достал сигарету, прикурил и, выпустив облако дыма прямо мне в лицо, процедил сквозь зубы:

— А строила-то из себя... Королева, жар-птица.

Он окинул меня презрительным взглядом — я лежала неподвижно, глядя в одну точку, со спутанными волосами и задранном подолом ситцевого платья, которое он сам мне купил. Разорванные трусики валялись под ногами.

— Да и по ощущениям ты от других баб ничем не отличаешься, — он сплюнул в открытое окно. — Обложка только красивая, а внутри... такая же, как все. Брёвнышко московское. Тьфу!

Эти слова должны были меня ранить, но я ничего не почувствовала. Пустота была абсолютной.

— Ты если вздумаешь на меня заяву накатать, то знай — у меня здесь все схвачено. — Признался Игорь, в очередной раз крепко затягиваясь. — Против меня здесь ни одна улика не поперет. А если будешь упорствовать — привезу в отделение и всей толпой тебя трахнем. Как последнюю шалаву по кругу пустим. Поняла?

Я не ответила. Лишь немного поменяла положение, поправив платье и лиф. За бельем даже наклоняться не стала — от него толком ничего не осталось. Да и не до него мне было. Пустота внутри меня все разрасталась, заполняя все мое естество, вытесняя любые мысли и желания.

Мое молчание начало раздражать Игоря. Он выкинул докуренный бычок в окно и громко сплюнул туда же. Говорить ничего больше не стал.

Он завел мотор и резко развернул машину. Весь путь до дома мы проделали в молчании. Игорь вел машину агрессивно, подрезая воображаемых противников, а я сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу.

Когда мы остановились у калитки, он не вышел открывать мне дверь.

— Завтра заскочу, — бросил он, не глядя на меня. — И не вздумай снова трубку не брать. Поняла?

Я не ответила. Просто вышла из машины и, едва переставляя ноги, пошла к дому. Колени подгибались. Мне стоило больших сил не упасть по дороге. Я не могла доставить ему еще и это удовольствие.

Я тихонько зашла в прихожую боясь встретить кого-нибудь из своих стариков. Но удача в этот день была полностью против меня. Баба Надя оказалась дома. Она вышла навстречу, держа в руках полотенце. Посмотрев на мое бледное лицо, на разорванный воротник куртки, помятое платье и на мои пустые, мертвые глаза, бабушка тут же схватилась за сердце.

— Ариша? — Позвала она, и в её голосе впервые за всё время прозвучал настоящий, неприкрытый страх.

Я прошла мимо неё, не сказав ни слова. Заперлась в своей комнате, скинула с себя одежду, которую купил Игорь, и бросила её в угол, словно ядовитую змею.

Я легла в кровать и натянула одеяло до самого подбородка. Меня тряс крупный озноб, но слез не было. Был только холод. Такой лютый, вековой холод, который не под силу растопить ни одной печке в мире.

В этот момент я поняла одно: от прошлого не убежать. Оно всегда находит тебя, в какую бы глушь ты ни зарылась. И у него всегда лицо мужчины, который считает, что имеет на тебя право.

Глава 11

Организм сдался первым. На следующее утро я не смогла поднять голову от подушки. Мир вокруг плыл в лихорадочном мареве, а стены комнаты то сужались, то расширялись, пытаясь раздавить меня. Температура взлетела мгновенно, превращая кожу в натянутый, горящий пергамент.

Я слышала, как в коридоре суежилась бабушка, как глухо ворчал дед, а потом — надрывный вой сирены сельской скорой помощи.

Врач, женщина средних лет с усталыми глазами и горькой складкой у рта, долго слушала моё дыхание, измеряла давление. Бабушку попросили выйти «за водой».

Когда мы остались одни, врач медленно оттянула край моего одеяла, задерживая взгляд на синяках на моих запястьях и на тех отметицах, что оставил Игорь на моей шее. Она замерла. В комнате стало так тихо, что было слышно, как на кухне капает вода с рукомойника.

— Он не меняется, — прошептала она так тихо, что я едва разобрала слова. Она не спрашивала «кто». В этом районе все знали почерк капитана. — С тех пор как от него ушла жена, совсем от него спасу не стало. Лютует почище зверя.

— Вы... вы напишете об этом в карте? — Мой голос был похож на шелест сухой травы. Несмотря на отсутствие эмоций, я отчетливо помнила про угрозу отдать меня на растерзание толпе сослуживцев.

Врач отвела взгляд. В её глазах плеснулся такой первобытный, глубокий страх, что мне стало холодно, несмотря на жар.

— У меня двое детей, Арина. А муж работает в лесничестве, чуть ли не под его началом. Если я напишу... завтра уволят меня и мужа, а послезавтра у нас найдут что-нибудь запрещенное.

Она тоже его боялась. Боялась так, как мне и не снилось. Это каким человеком надо быть, чтобы при одном твоём упоминании возникали такие эмоции? Впрочем, мне ли не знать. Игорь потерял для меня человеческий облик. Зверь. Нет, монстр. Зверь не способен на жестокость ради удовольствия.

Она быстро достала шприц, набрала лекарство и сделала укол. Я почти ничего не почувствовала. И даже не удивилась этому.

— Я пропишу сильные антибиотики и успокоительное. Тебе нужен абсолютный покой. Спи. И... постарайся больше не попадаться ему под горячую руку. Здесь справедливость — это сказка для детей.

— И как же вы здесь живете? — Едва слышно выдавила я. — Неужели на него действительно нет управы?

Я искренне надеялась, что фельдшер оставить мне хоть какую-нибудь зацепку. Хотя что-нибудь, что может послужить мне маяком на пути к спасению. Но её следующие слова подтвердили самое худшее — надежды на спасение просто нет. По крайней мере сейчас.

— Он здесь почище любого барина будет. — Призналась врач, опустив голову. — Он устроил все таким образом, что слова никто поперек не скажет. А уж там, наверху, его и вовсе крышуют. Там, если смотреть по отчетам, он вообще передовик производства и образец хранителя закона и порядка... И это, послушай доброго совета: как только сможешь уверенно стоять на ногах — уезжай отсюда. Так всем лучше будет. И тебе. И тем кто тебе близок.

Она сделала все что могла. Больше ей делать возле меня было нечего. Собрав свой тревожный чемоданчик, фельдшер покинула мою комнату, в один день ставшую больничной палатой.

Когда она вышла к старикам, её голос снова стал сухим и профессиональным:

— Сильное переутомление на фоне стресса. Организм не выдержал нагрузок. Покой, обильное питье. Дней пять пусть не встает.

Старики испуганно кивали, провожая её до калитки. Они не знали правды, но чувствовали, что беда, вошедшая в дом вместе со мной, стала осязаемой.

На следующий день, около полудня, я услышала знакомый рокот мотора. Игорь.

Он вошел в дом без стука, по-хозяйски. Я лежала, отвернувшись к стене, чувствуя, как липкий пот течет по спине. Я была бледной, с темными кругами под глазами, растрепанная и слабая. От меня пахло лекарствами и болезнью.

Игорь остановился в дверях моей комнаты. Он был в гражданском, в чистой рубашке, явно рассчитывая на продолжение вчерашнего триумфа. Но, увидев меня — жалкую, изломанную, некрасивую в своей болезни, — он поморщился.

— Ну и вид у тебя, Арина, — пробасил он, не подходя ближе. — Ты что, реально из-за пары часов в поле так расклеилась?

Сволочь. Еще и поддерживает выдуманную фельдшером ложь. Я не пошевелилась. Даже не открыла глаз.

Он постоял минуту, переминаясь с ноги на ногу. Его охотничий азарт угас. Ему нужен был трофей — яркая, строптивая «модель», которую приятно ломать. А эта бледная тень, лежащая под старым одеялом, вызывала у него только брезгливость, смешанную с легким раздражением.

— Ладно, отлеживайся, — бросил он, поправляя часы на запястье. — Привези тебе чего? Апельсинов может? Или, если хочешь, ананас привезу?

Я вновь промолчала. Говорить не было желания от слова совсем. А с ним и того подавно.

— Ну, как хочешь. Выздоровливай давай. Мне «дохлая кошка» не нужна. В районе через пару недель праздник, я хотел тебя с собой взять, перед начальством из области показаться. Мне как раз новые погоны светят. Так что давай, в строй возвращайся.

Он вышел, громко хлопнув дверью. Через минуту взревел мотор «Нивы», и звук постепенно затих вдали.

Я наконец открыла глаза и глубоко вздохнула. На время он потерял интерес. Я была «испорчена» болезнью, и это давало мне короткую передышку.

Но я знала: это не конец. Как только я смогу встать, он вернется. И мне нужно было решить — позволить этой тишине поглотить меня окончательно или найти способ вырваться из этого капкана, даже если для этого придется сжечь всё за собой...

А в полусне мне снова привиделся Артём. Он стоял на другом берегу реки и смотрел на меня. Я хотела крикнуть ему, позвать на помощь, но голоса не было. Была только тишина и запах полыни, проникающий через открытую форточку.

Глава 12

Дед нашёл Артёма у старого амбара. Тот возился сеялкой для трактора. Он не стал заходить, просто окликнул парня через забор, хмуро глядя в сторону.

— Заболела девка. Совсем лихо ей. Бабка не справляется, а врач только руками разводит — мол, покой нужен. Зайди, что ли... Ты в травах понимаешь, да и... — дед замолчал, сплюнул. — Зайди, в общем. Пока этого «хозяина» в деревне нет.

Артём пришёл через час. Он не стучал громко, вошёл тихо, как тень. В руках у него был небольшой туюсок с соевым мёдом и бумажный пакет с какими-то сборами.

Когда дверь в мою комнату скрипнула, я инстинктивно сжалась, натягивая одеяло до самых глаз. Сердце забило в панике — я ждала Игоря, его тяжёлых шагов и запаха табака. Но вместо этого в комнате разлился аромат луговых трав и свежего дерева.

— Это я, Арина. Не бойся, — голос Артёма был тихим, как шелест листвы. — Я не причиню тебе вреда.

Я медленно опустила одеяло. Он стоял у окна, не приближаясь к кровати, словно чувствовал мои невидимые границы. В его глазах не было похоти или брезгливости. Только глубокое, спокойное сочувствие.

Он пододвинул стул, сел поодаль и начал заваривать чай прямо здесь, в моей кружке, заливая травы кипятком из термоса. Его руки действовали как отлаженный механизм, повторяя давно знакомое движение.

— Пей. Это липа и зверобой на меду. На ноги поставит быстрее любых уколов, — он протянул мне кружку. — Я этому у старого лесника научился. Мы с ним частенько вот такие чаи гоняем. Он много всяких полезностей знает, вот и меня кое-чему научил. А тут, видишь, пригодилась наука.

Я сделала глоток. Тепло медленно потекло по венам, разжижая тот ледяной ком, что застрял в груди после встречи с Игорем. Мне ощутимо стало легче. Только вот не знаю, от травяного настоя мне полегчало или это присутствие Артёма так на меня благотворно действует.

— Почему вы помогаете мне? — Спросила я, глядя на пар над кружкой. — Я ведь для вас... чужая. Из того мира, который вы бросили.

Артём усмехнулся и посмотрел в окно на бескрайние поля.

— Я ведь тоже здесь чужой, Арина. Был им целый год. Знаете, я ведь инженер-агроном по образованию. В городе мне пророчили кресло в министерстве или, на худой конец, в крупном холдинге. Родители в обморок падали, когда я сказал, что уезжаю «в грязь». Кричали, что я дурак, что угроблю жизнь, что там только пьяницы и разруха. В меня не верили там.

Он замолчал, перебирая пальцами край скатерти. Было видно, что слова давались ему не так чтобы легко. У меня создалось впечатление, что об этих вещах он вообще говорит впервые в жизни с кем-либо, а не просто рассуждает сам с собою.

— А когда приехал сюда — в меня не верили здесь. Местные смотрели как на шпиона или на сумасшедшего. «Городской приехал нас учить?» — говорили за спиной. Палки в колёса вставляли, трактор портили, землю не давали. Каждый день я отвоевывал себе право здесь просто быть. Не командовать, не властвовать, а просто работать. Как обычный, нормальный человек.

Я смотрела на его профиль — четкий, мужественный, закаленный не в спортзалах, а в борьбе за свою мечту. Не про таких ли говорят у классиков — соль земли?

— И как вы справились? — Прошептала я. Мне стало действительно интересно, каково это, преодолевать трудности, когда весь мир против тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.